

*НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону). Автор 166 научных публикаций, в т. ч. трех монографий, 13 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6896-5034>

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД И ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ: СВЯЗИ, УЗЫ, КОНТРОЛЬ, НЕПОКОРСТВО

Рецензия на сборник статей: Translation Under Communism / eds.: C. Rundle, A. Lange, D. Monticelli. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 487 p.

Рецензируемый сборник состоит из статей, написанных лингвистами, литературоведами, теоретиками перевода из разных стран Европы: Украины, Эстонии, Болгарии, Югославии, Польши (бывшие социалистические государства), Великобритании, Германии, Италии, Швеции, а также США. В рецензии анализируются основные идеи составивших книгу работ, посвященных проблематике профессиональной переводческой деятельности в Советском Союзе (за всю историю этого многонационального государства) и в странах социалистического лагеря (в послевоенный период). Рассматриваются: наиболее значимые персоналии в области теории и практики художественного перевода (Чуковский, Лозинский) и их наследие; пути и методы регламентации переводческой деятельности со стороны государства; проявления «неповиновения» и «свободы» через переводческий акт.

Ключевые слова: художественный перевод, школа перевода, личность переводчика, цензура при переводе, политический режим, государственный контроль переводческой деятельности.

В 1970 году, при подготовке очередного издания двухтомника «Мастера русского стихотворного перевода» (издательство «Советский писатель», серия «Библиотека поэта»), Е.Г. Эткинд высказал в авторском предисловии такую

мысль: в годы правления Сталина русских поэтов «заставили говорить переводами». Истина, которая без труда подтверждается творчеством Маршака, Пастернака, Антокольского, Зенкевича, других первоклассных русских поэтов,

*Адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, пер. Университетский, д. 93; e-mail: nikolaev_s@bk.ru

Для цитирования: Николаев С.Г. Художественный перевод и политический режим: связи, узы, контроль, непокорство // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 127–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V173

занимавшихся также межъязыковыми переложениями (достаточно взглянуть на количественное соотношение между авторскими и переводными корпусами в их наследии), вызвала мгновенную реакцию издателей: соответствующий фрагмент из текста изъяли, а известного ученого-филолога публично осудили. В действительности же все обстояло в точности так: под безоговорочным диктатом социалистического реализма отслеживалось, регламентировалось, проходило жесткую цензуру не только самостоятельное творчество литераторов (оно-то, кстати, в первую очередь), контролировался и их переводческий труд. И так было во всех странах социалистического лагеря, хотя проявлялось с различной степенью интенсивности и глубины.

Изданный в 2022 году в Швейцарии сборник *Translation Under Communism* («Перевод в коммунистических странах») составляют статьи, написанные по-английски исследователями из Великобритании, ФРГ, США, Франции, Украины, Эстонии, Италии, Венгрии, Словакии, Швеции. Все работы так или иначе сосредоточены на рассмотрении и анализе приоритетов государственной политики по отношению к иноязычным текстам – романам, рассказам, стихам. Тексты эти получали «официальный пропуск» в национальные культуры социалистических стран стараниями профессиональных переводчиков. Однако между иноязычным автором и читателем из социалистического мира, кроме переводчика, стояла незримая фигура функционера, который в конечном счете и принимал решение – быть переводу или нет. А между прочим, именно благодаря высокому качеству переводческого результата в ряде случаев переводные (здесь правильнее будет сказать «переведенные») произведения входили в «новый» национальный – например, русскоязычный – литературный контекст и вращались в него, с годами формируя и пополняя его неотъемлемый сегмент.

Зависимость культуры от политического режима, особенно такого, который устанавливает тотальный контроль над всеми без исключения сферами общественной и частной

жизни, – тема малоизученная и потому чрезвычайно интересная. Аспект межъязыкового переложения стоит здесь не на первом месте, но все-таки важен и, главное, показателен. Кого из иностранцев переводить? Каким должен быть отбор текстов, подлежащих переводу? Как этот отбор соотносится с провозглашенными принципами интернационализма и дружбы народов? Следует ли расширять контакты между иностранными авторами и их переводчиками за пределы рабочего кабинета и письменного стола в нем же (поощрение или запрет зарубежных командировок)? Сколько в плане издательства должно быть «своих» авторов (переводимых, скажем, с языков народов СССР), а сколько иностранных? Как определять тиражи переводных книг? Как должна работать негласная цензура с переведенным текстом? Следует ли создавать и поддерживать национальную школу художественного перевода? Эти и другие вопросы поднимаются в книге «Перевод в коммунистических странах»; эти и другие вопросы – с должной опорой на опубликованные и архивные материалы – обсуждаются учеными из разных стран, и не только из бывших социалистических.

Организирующую роль вступления играет статья трех редакторов книги – Анне Ланге (Таллинский университет, Эстония), Даниэле Монтичелли (та же аффилиация) и Кристофера Рандла (Болонский университет, Италия) «Перевод и история европейского коммунизма» (с. 17–38). Авторы отмечают: «Маргинальность перевода и его полифонизм (автор/переводчик) стали теми преимуществами (надо полагать, в сравнении с авторским текстом. – С.Н.), которые создали относительно открытое и менее контролируемое пространство для самовыражения» (с. 30). Далее авторы рассуждают об иерархическом видении культурных ценностей сквозь призму перевода в странах социалистического блока: «Факты относительно “переводческих потоков” подтверждают, что в Советском Союзе доминирующим был русский язык среди иных национальных языков и культур; и среди национальных литератур... доминантным

положением также пользовалась русская» (с. 31). Причем в других странах социализма «верное идеологическое позиционирование и интерпретация переводных текстов часто достигались за счет паратекстов при переводах и обзоров, написанных советскими филологами-литературоведами» (там же).

Статья Натальи Рудницкой (Украина, Восточноукраинский национальный университет, г. Северодонецк) «Перевод и формирование советского канона мировой литературы» (с. 39–72) выделяет и анализирует основные вехи в официальной политике переводов в СССР за период с 1917 по 1991 годы. По словам автора, функции кумулятивного переводческого результата как «устойчивого идеологического конструкта», в который он был окончательно превращен ко времени завершения сталинской эпохи, менялись на протяжении десятилетий в зависимости от потребностей и колебаний в политике партии, варьируя от создания иллюзии универсальности социалистических ценностей «для всех народов земного шара» (переводы на русский исключительно «надежных» авторов) до попыток интернационализации советского канона путем господдержки переводов с русского на иностранные языки. Вырывались из этих жестких идеологических границ, а потому были особенно заметны и востребованы «оттепельные» издания зарубежных знаменитостей: Кафки, Сэлинджера, Гессе, Камю, Фолкнера. С текстами их произведений работали лучшие переводчики, и эти переводные тексты впоследствии оказали колоссальное влияние на советских авторов, русскоязычных и не только, в 1960–1980-е годы.

Интересной и обстоятельной следует признать статью Брайана Джеймса Баера (профессор Кентского университета, Великобритания, и ведущий научный сотрудник Высшей школы экономики в Москве) «Цензура, разрешенное инакомыслие и теория перевода в СССР: пример Корнея Чуковского» (с. 73–110). В ней ученый рассматривает публикации Чуковского о переводе, появившиеся в печати с 1906 по 1968 годы, в которых прослеживаются эволюция его

доминантных переводческих убеждений и установок, их связь между собой и зависимость от политических и культурных перемен в российском обществе (все начиналось с ранних, дореволюционных статей Чуковского, его полемики по поводу переводов Уитмена и Шелли, сделанных Бальмонтом). Но прежде всего речь идет об отстаивании Чуковским правомерности идеи и концепции *личности* переводчика на фоне общего требования эту личность нивелировать (личность, или *лицо* переводчика, по Чуковскому, – единица креативная, самостоятельная, гибкая – см. разные издания его книги «Высокое искусство. Принципы художественного перевода»). Теория перевода, как заключает Баер на примере Чуковского, стала в СССР «площадкой для споров по ключевым этическим вопросам, стоящим перед русской интеллигенцией, таким как подчинение, сопротивление, индивидуальность, оригинальность», – споров, ведущихся в узких границах между «можно» и «нельзя» (с. 75).

Статья, написанная Сюзанной Уитт (Стокгольмский университет), посвящена Михаилу Лозинскому и его переложению «Божественной комедии» Данте, над которым переводчик трудился с 1936 по 1945 годы (с. 111–140). Уитт утверждает, что эту работу следует рассматривать исключительно в историческом контексте – как послание в «эзоповом жанре», в котором переводчик (разумеется, не автор) только и мог коснуться таких табуированных тем, как террор, репрессии, кошмар ленинградской блокады, – в противовес героическому нарративу о Великой Отечественной войне, поощряемому государством и режимом.

Имеются в книге работы, где рассматриваются история и традиции переводов на языки союзных республик, в частности на украинский («Перевод в Украине при сталинизме: политики литературного перевода» Александра Кальниченко и Лады Коломиец (с. 141–174)). Здесь авторы выдвигают достаточно масштабное требование: «Историкам перевода в государствах постсоветского пространства предстоит ответить не на вопрос, что советский

политический режим говорит им о переводе, а на другой – *что перевод может сказать* об истории коммунизма в двадцатом веке» (с. 142, курсив наш).

После этого следуют материалы о переводческой деятельности в Югославии («Переводческая политика в Югославии с 1945 по 1952 годы» Марии Риты Лето (с. 175–206)), Республике Словении в составе Югославии («Идеологический контроль в “Государственном издательстве Словении”: конформизм и диссидентство» Найка К. Покорна (с. 207–240)), Венгрии («“Кто не против нас, тот за нас”: переводы с английского научной фантастики в Венгрии в эпоху Кадара» Анико Зохар (с. 241–280)), Германской Демократической Республике («Влияние культурной политики на перевод в ГДР» Ханны Блум (с. 281–314)), Чехословакии («Случай Аллена Гинзберга и история перевода: как Чехословакия избрала и затем исключила Короля Мая» Игоря Тыща (с. 315–350)), Болгарии («Художественный перевод в коммунистической Болгарии: 1944–89» Красимиры Ивлевой (с. 351–378)), Польше («Художественный перевод в народной Польше, 1976–1989» Роберта Лооби (с. 379–410)). И вот что любопытно: при всех общих правилах и закономерностях (конечно, неявных, т. е. не зафиксированных в каких-либо официальных документах и не явленных в виде постановлений), какие наблюдались в странах социалистического блока, были и исключения. В Польшу проникали и имели свободное хождение в интеллигентских кругах не санкционированные властями переводы с английского (например, утопий Оруэлла), а в Венгрии и Югославии официальной цензуры вообще не было, поскольку и писатели, и переводчики считались политически благонадежными работниками культуры, кроме того, «над ними» стояли редакции и творческие союзы, а еще «выше» – издательства (естественно, принадлежавшие государству).

Книга завершается работой Виталия Чернецкого (профессор-славист Канзасского университета, США) «Битва за перевод» (с. 411–442), в которой автор рассказывает о том, как решительно

идеология ставит художественную литературу на службу режиму, об особой роли, отводимой властями делу перевода в борьбе за «идеалы революции». Также – совершенно логично для всей книги – здесь говорится о том, как изменились условия переводческого труда с падением диктатур и политических режимов, об утрате определенных преимуществ, которые предоставляла переводчику социалистическая плановая система хозяйствования (она же в других случаях явно тормозила и мешала пресловутому «взаимному культурному сближению народов» через переводы). Автор рассуждает о так называемом мифе о советском переводчике, в котором последний представлял как «героическая личность», а его профессиональная деятельность – как «подвиг» (случай Лозинского: Сталинская премия первой степени в 1946 году за русскую версию «Божественной комедии» Данте – и это при том, что до войны Лозинский подвергался репрессиям за организацию переводческого семинария; другой подобный случай – Татьяна Гнедич с ее переводом байроновского «Дон-Жуана»).

Оценивая сборник в целом, отметим его естественно (и потому верно) выстроенную композицию (явная заслуга редакторов), насыщенную иллюстративную базу, хорошее владение материалами, в т. ч. архивными, доказательность и обоснованность выдвигаемых гипотез. Четырехчастная структура («Введение», «Советский Союз», «Коммунистическая Европа», «Заключение») способствует логическому восприятию объемного и сложного материала, который, конечно, выводит читателя за пределы одной дисциплины (только филологии) или научной области (только политологии), демонстрируя стремление к обобщениям на более высоком уровне осмысления изучаемого феномена.

Несмотря на некоторые свои недостатки (в первую очередь это неполнота характеристики объекта – впрочем, вполне объяснимая его сложностью, гетерогенностью, малой изученностью, отсутствием среди авторов российских исследователей), книга *Translation Under Communism*, несомненно, будет полезна

для филологического сообщества и не только для него. Высказанные в ней идеи могут быть учтены в вузовских курсах переводоведения, теории и истории литературы и культуры, а также политологии и истории стран Европы. Представленные материалы, концепции, факты станут значительным подспорьем при написа-

нии диссертационных работ, где так или иначе затрагивается общая проблематика и частные вопросы художественного перевода в отечественной и зарубежной литературе, проблематика официальных государственных политик в культуре, литературе, индивидуальном и коллективном литературном творчестве.

DOI: 10.37482/2687-1505-V173

Sergey G. Nikolaev

Southern Federal University;
per. Universitetskiy 93, Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6896-5034> e-mail: nikolaev_s@bk.ru

LITERARY TRANSLATION AND POLITICAL REGIME: RELATIONS, TIES, CONTROL AND DISOBEDIENCE

Review of the collection: Rundle C., Lange A., Monticelli D. (eds.). *Translation Under Communism*. Cham, 2022. 487 p.

The collection under review consists of articles written by linguists, literary critics and translation theorists from various European countries: Ukraine, Estonia, Bulgaria, Yugoslavia, Poland (former socialist states), Great Britain, Germany, Italy and Sweden, as well as the USA. The review analyses key ideas of these articles, which are devoted to the problems of professional translation in the Soviet Union (throughout the history of this multinational state) and in the Communist Bloc (during the post-war period). The following are considered: the most significant figures in the theory and practice of literary translation (Chukovsky, Lozinsky) and their heritage, the ways and methods of regulating the work of translators by the state, as well as manifestations of disobedience and freedom through the act of translation.

Keywords: *literary translation, school of translation, translator's personality, censorship in translation, political regime, state control over translation.*

Поступила 15.02.2022

Принята 30.03.2022

Опубликована 07.04.2022

Received 15 February 2022

Accepted 30 March 2022

Published 7 April 2022

For citation: Nikolaev S.G. Literary Translation and Political Regime: Relations, Ties, Control and Disobedience. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 127–131. DOI: 10.37482/2687-1505-V173